

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62
УДК 32.019.5(045)

Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе*

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме влияния эффектов цифровизации на институты и идеологию демократии в ее различных современных интерпретациях, а также на изменения форматов участия масс в политике. Технологический прогресс и развитие электронных систем коммуникации приводят зачастую к неожиданным, если не парадоксальным, последствиям в системе отношений между элитизмом и массовой политикой. В итоге новая стадия борьбы за управление общественным мнением и основными каналами коммуникации оказывается одновременно и следствием технологических изменений, и эволюцией прежде не разрешенных базовых противоречий «массовой» политики. Для элитистского подхода характерен приоритетный курс на сохранение контроля над ключевыми цифровыми площадками «ради общего блага» через договоренности с «цифровой олигархией», что минимизирует деструктивные с точки зрения политического мейнстрима попытки контрсистемных сил добиться изменения статус-кво в доминирующих идеологиях, ценностных раскладах и общей расстановке сил. Для адептов расширения возможностей массовой политики новые технические возможности как раз дают гипотетические шансы для коррекции статус-кво, и в этом смысле вроде бы «прогрессивистская» повестка открывает дорогу и для консервативных, и для аудсайдерских по отношению к политическому мейнстриму политических и интеллектуальных групп.

Ключевые слова: демократия; цифровизация; элитизм; массовая политика; прогрессивизм; метавселенная

Для цитирования: Митрахович С.П. Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62

ORIGINAL PAPER

The Effects of Digitalization as Challenges to the Effectiveness of Democracy and “Mass Policy” at the Present Stage**

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the influence of the effects of digitalization on institutions and ideology of democracy in its various modern interpretations, as well as on the very evolution of the formats of participation of the masses in politics. Technological progress and the development of electronic communication systems lead to often unexpected, if not paradoxical, consequences in the relationship between elitism and mass politics. As a result, a new stage in the struggle for the management of public opinion and the main channels of communication is at the same time a consequence of technological changes and the evolution of the “mass” policy’s previously unregulated basic contradictions. The elitist approach is characterized by a priority course of maintaining control over the key digital platforms “for the common good” through agreements with the “digital oligarchy”, which minimizes destructive, from the point of view of the political mainstream, attempts by counter-systemic forces to change the status quo in dominant ideologies, values and power relations. For the extension adepts of mass politics, the new technical possibilities just

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2022 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the State assignment of the Financial University.

give a hypothetical chance to correct the status quo, and in this sense, the “progressive” agenda opens the way for the conservative, and for outsider, in relation to the political mainstream, political and intellectual groups.

Keywords: democracy; digitalization; elitism; mass politics; progressivism; metaverse

For citation: Mitrakhovich S.P. The effects of digitalization as challenges to the effectiveness of democracy and “mass policy” at the present stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-57-62

Институты и идеологии можно рассматривать как производные от изменяющихся социально-экономических условий функционирования обществ. В то же время сформировавшиеся устойчивые правила игры в социальной и экономико-политической жизни сами становятся фактором дальнейшей общественной трансформации. Идеологии, идеологическая мода, интеллектуальный мейнстрим в академической, экспертной и журналистской среде по факту оказываются драйверами эволюции социальной жизни.

По мере технологического прогресса (особенно в коммуникативной сфере), напрямую связанного с цифровизацией экономической, социальной и даже частной сферы жизни, общества приходят к поиску нового равновесия между «массовой политикой» (вовлечение масс в политику как процесс принятия решений) и элитизмом.

С одной стороны, именно цифровизация с ее социальными сетями, регистрацией огромного количества учетных записей в государственных и коммерческих сервисах создает дополнительную значимость фактору масс — насколько они лояльны тем или иным политическим режимам, доминирующим идеологиям и стандартам поведения. Легитимность властей и установленных социальных порядков оказывается буквально в шаге от перманентной «зоны риска», зависящей от динамики общественного мнения. Соответственно, политики, топ-менеджеры, принимающие ключевые решения в бизнесе, а также руководители третьего сектора практически становятся заложниками конъюнктуры общественных настроений, которая через эффекты цифровизации (электронные опросы, голосования, «культура отмены», поведение «электронных потребителей») минимизирует свободу принятия решений. Подобная зависимость от массовых настроений ярко проявилась в ходе российско-западного политического конфликта из-за «украинского кейса» 2022 г. — многие компании из числа бизнес-партнеров России и даже некоторые умеренные политики были бы готовы продолжать достаточно конструктивное взаимодействие с Россией, если бы не опасения подвергнуться массовой обструкции через общественное мнение западных стран.

С другой стороны, контроль над ключевыми площадками цифровой коммуникации и ключевыми каналами, через которую эта массовая цифровая коммуникация происходит, оказывается в руках вполне определенных и ограниченных по численности элитных групп. В случае с западными странами речь идет о доминирующих социальных сетях (ставших «социальными медиа»), которые контролируются несколькими ключевыми корпорациями, напрямую связанными с Демократической партией США и их ближайшими союзниками, что приводит к эффекту «политически поляризованных платформ» [1]. В странах с незападной политической системой, вроде Китая или Турции, характерными чертами становятся попытки государства и лояльной части гражданского общества создать свои собственные (и ограниченные в количестве) каналы цифровой коммуникации, которые бы предотвращали риски протестной мобилизации.

Институты голосования и демократии, особенно интерпретируемые через концепцию «один человек — один голос», на первом этапе цифровой революции создавали представление о возможности очень сильной антиистеблишментской волны за счет самоорганизации масс. Исследователи отмечают способность цифровых инструментов радикально менять интенсивность человеческой деятельности в любых сферах, включая общественно-политическую активность, а также стимулировать быстрое накопление инновационного и операционного опыта [2]. Трансляции программных установок и идеологических парадигм, мобилизации электоральных групп и общественного мнения оказались намного проще, в том числе для протестных социальных страт.

В случае с Европой это привело к успеху целого ряда партий, от «Альтернативы для Германии» (которую СМИ и эксперты одно время называли «партией Facebook»¹) до Podemos в Италии, UKIP в Великобритании, «Истинные финны» в Финляндии и т.д.

¹ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/09/26/germanys-far-right-party-afd-won-the-facebook-battle-by-a-lot/>

По данным The Washington Post, в 2017 г. пользователи в Facebook сделали репостов агитационных публикаций «Альтернативы для Германии» больше, чем у всех остальных партий вместе взятых. При этом к сайтам «Альтернативы для Германии» чаще всего обращались те граждане ФРГ и потенциальные избиратели, которые чувствовали себя отсеченными от политического мейнстрима и мейнстримных СМИ (доступ же к аккаунтам «альтернативной партии» давал возможность преодолевать политико-психологический эффект депривации).

В случае с Китаем оппозиционная деятельность через цифровые каналы стала особенно заметной в ходе общественных (изначально студенческих) прозападных [3] волнений в Гонконге 2019–2020 гг. Символом этих протестов стали зонты (отсюда неофициальный термин «революция зонтиков»), но также и использование неподконтрольных китайскому правительству цифровых коммуникационных технологий, включая bluetooth-мессенджер FireChat. Правительство КНР в итоге смогло взять ситуацию под контроль и, по крайней мере, на время остановило подрывную деятельность прозападной оппозиции, приложив дополнительные усилия для закрепления в Китае доминирующей роли национальных интернет-платформ. Спустя примерно два года на жесткие ограничительные меры в отношении Facebook, Twitter и Instagram вынуждены были пойти и российские власти, посчитав деятельность данных сетей экстремистской и направленной на создание коммуникативных условий для подрывной деятельности в России по отношению к сложившейся социально-политической системе и к большинству граждан РФ в принципе.

На Западе отношение к ключевым цифровым платформам разделилось не только между политическим мейнстримом и антисистемными силами, но и между «ядром мейнстрима» и вытесненными на периферию элементами. Так, республиканцы в США открыто обвиняли Facebook и Twitter в игре на стороне Демократической партии — сначала в период президентства Д. Трампа, а позже при администрации Д. Байдена. Эти сети стали восприниматься чуть ли не как всемогущие привратники (gatekeepers) при информационных потоках и во многом заменили традиционные медиа. В республиканском сознании сами алгоритмы работы социальных сетей организовывали отбор и подачу новостей исключительно в выгодном американским либералам ключе, трансформируя институт «свободных и честных выборов» (free and fair elections).

Манипулирование происходило и за счет более тонких механизмов, которые стали называться «групповые намеки», или «намеки относительно принадлежности / не принадлежности к группе» (out-group cues). Количество соответствующих слов-маркеров, терминов-маркеров, специфических культурных и коммуникационных отсылок было столь велико, что позволяло создать для консервативно настроенных пользователей сознательный и направленный эффект депривации, не говоря уже о работе ангажированных медиаторов для возникновения конфликтных ситуаций между пользователями сети. По мнению консерваторов, профильно развивалось целое технико-коммуникативное направление «фильтрации позиций противоположной стороны» через специфическую организацию работы SNSs (social networking sites), куда входят и «сети по интересам» вроде Reddit, Slack, Snapchat и даже Tinder [4]. В результате уровень разобщенности только рос, поскольку пользователи переносили недовольство собеседником с одной площадки на другую, создавая эффект группового негативного сознания.

Интересно, что американские либералы (т.е. Демократическая партия и ее академические и медийные сателлиты) организовали в конце срока работы администрации Трампа несколько слушаний в конгрессе, посвященных возможным антимонопольным ограничениям на работу так называемых компаний Big Tech. Формальным предлогом было выяснение позиций компаний относительно их готовности поступиться своим практически монопольным (олигопольным) статусом, отдельные видные члены партии даже анонсировали некие будущие антитрастовые меры в духе исторических дел против Standard Oil. Однако на практике Big Tech так и не тронули — демократам оказалось выгодно позиция, при которой компании находятся под перманентным риском антимонопольных дел, но они так и не начинаются, пока компании подыгрывают именно демократам. Апофеозом данного консенсуса «цифровых олигополий и Демпартии» стало удаление аккаунта Дональда Трампа в Twitter, несмотря его огромную личную популярность в этой социальной сети. В 2022 г., спустя небольшое время после объявления о покупке Twitter предпринимателем Илоном Маском, новый владелец компании объявил о планах вернуть экс-президенту его аккаунт. Популярной интерпретацией в мейнстримных СМИ стала версия, что Маск, несмотря на весь свой либерально-авангардный имидж, готовится к альянсу с республиканцами [5], создавая альтернативу альянсу CNN и Facebook.

Цифровизация массовой политики в упомянутом контексте может привести к специфическим эффектам для демократии: либо будет меньше представлено альтернативных точек зрения, либо (если мы увидим условно «демократический» Facebook и «вновь открытый для консерваторов» Twitter) станет нарастать поляризация общественных настроений. По теории социального капитала, предложенной С. Хантингтоном в его работе «Кто мы?» в 2004 г., подобного рода отношения нужно будет обозначать не как «объединяющий социальный капитал» (bridging social capital), а «разъединяющий социальный капитал» (bonding social capital), когда привычные социальные связи, в том числе в цифровом мире, «огораживают» человека по критериям удобной или приятной сферы общения «со своими». «Свои» могут пониматься в идеологическом, расовом, гендерном, религиозном, возрастном и т.д. планах.

Уровень демократизации при этом, по версии Хантингтона и его современных идейных продолжателей, неизбежно снижается, поскольку вместо осознания себя одной нацией граждане начинают чувствовать себя частью различных изолированных «цифровых наций», зачастую враждебных друг другу. Возникает эффект, который некоторые наблюдатели называют «эхо-камерой» (echo chamber), когда ее участники слышат только собственную аргументацию, не выходящую за пределы «своего» круга². Цифровизация по модели Facebook, который подгрызает одним силам против других, «наклоня само информационное пространство в нужном направлении» (tilting), как раз и способствует появлению «эхо-камер», в том числе за счет маргинализации альтернативных дискурсов и нарративов и «изгнания» их с основных платформ.

В случае возвращения трампистов — если они хотя бы частично будут представлены в ключевых социальных сетях — эффект «огораживающего», «изолирующего» социального капитала может быть уменьшен. Однако все равно давление на «неправильных правых» и «неправильных левых» будет продолжаться под предлогом недопущения ими «эксплуатации возможностей, предоставляемых цифровизацией». Так, «неправильный левый популизм» собираются не допустить к возможностям «платформ капитализма» [6] (собственно, всей инфраструктуре Big Tech), поскольку пока что со

стороны мейнстрима есть «рациональные опасения», что расцвет левого популизма последних лет непосредственно совпадает с расцветом социальных медиа. Ведь именно там было проще всего публиковать протесты против экономической политики жесткой экономии (austerity), которая проводилась несколько лет многими западными правительствами после международного экономического кризиса 2008–2009 гг.

Аналогичным образом «цифрового заглушения» стоит ожидать и относительно «излишне правых» общественных движений в ряде стран, включая, кстати, и Россию, где подобные силы также активно использовали технические достижения цифровизации [7]. По сути, современная форма либерализма (левого либерализма) вообще предполагает отождествление консервативных претензий на статус «уязвимой и заглушаемой группы» с попытками негативно оцениваемых «влиятельных политических групп, партий и индивидов обвинять (мейнстримные) медиа и вообще порядок, возникший по итогам глобализации, в манипуляциях и замалчиваниях» [8]. Якобы соответствующие влиятельные группы «идеализируют придуманное ими самими прошлое» и «строят конспирологические теории против «глобального общества под неолиберальными установками» (делается вывод, что это сомнение в глобализме обязательно мешает демократизму, секуляризму и плюрализму).

Дополнительно ситуация ухудшится при постепенном разворачивании уже анонсированных так называемых метавселенных (Metaverse), по сути, «виртуальных миров» в их первом технологическом приближении, где человек будет чувствовать себя психологически комфортно, по факту оказываясь изолированным от «обычного общества». Тем более, что управлять этими метавселенными будут все те же олигопольные компании из числа Big Tech, что вновь поднимает вопрос о допустимости смешения corporate governance и собственно social governance [9].

Первые попытки институционализации государственных и демократических организаций (включая выборные и представительские) в метавселенных уже делаются. Маленькое островное государство Барбадос уже открыло «дипломатическое представительство» в Decentraland, онлайн-мире, или метавселенной, куда можно входить через компьютер и шлем виртуальной реальности³. «Участок» под

² Facebook is tilting the political playing field more than ever, and it's no accident. URL: <https://theconversation.com/facebook-is-tilting-the-political-playing-field-more-than-ever-and-its-no-accident-148314>

³ Barbados Is Opening a Diplomatic Embassy in the Metaverse. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-14/>

площадь посольства был продан, согласно данным Bloomberg, за 2,43 млн долл. — примерно так же модные дома продают в этой метавселенной («иммерсивной окружающей среде») за реальные деньги виртуальную одежду, которую можно использовать для «более глубокого погружения» в процесс существования в онлайн-мире, или, например, для рекламы конкретных моделей, которые пользователи Decentraland потом могут купить в реальности.

Институты политического и общественного регулирования на уровне «умного города» (популярная прикладная концепция вовлечения населения в управленческий процесс и удовлетворения потребностей жителей за счет оптимизированной коммуникации с властями) вполне соединимы с концепцией метавселенных. Так, Сеул в 2023 г. должен стать первым крупным городом, создающим свою собственную метавселенную (Metaverse Seoul⁴) для улучшения доступа своих жителей к сервисам муниципальной власти. Планируется использовать такие нововведения, как виртуальные публичные слушания, виртуальный доступ к мэрии, виртуальный туризм, виртуальный доступ к рынкам и культурным мероприятиям.

Применительно к демократии опыт Сеула и его последователей оптимисты обычно называют digital twinning of democracy (цифровое дублирование демократии). Как обычно, скепсис выражается относительно Китая с его контролем над интернетом, но тогда возникает вопрос о правилах общения между метавселенными, тем более что имеется опыт открытия цифровой дипломатии.

В 2021 г. на уровне Совета Европы был представлен доклад о влиянии цифровой трансформации на демократию и пресловутый good governance⁵. Оптимистическая часть доклада в основном касается концепции делиберативной демократии, позволяющей гражданам активнее вовлекаться в публичную сферу деятельности (онлайн-обсуждения, голосования, референдумы, консультации по текущим вопросам принятия важных для общества решений, финансовая поддержка одобряемых гражданами инициатив, обмен опытом). Указывается, что в новую цифровую эпоху изменения должны

затронуть и государственных гражданских служащих, что означает существенный культурный сдвиг. Отдельно выделяется необходимость не только делиберативной, но и партиципаторной демократии (представительство/обсуждение, желательно с поиском консенсуса, и непосредственное участие в принятии решений). В качестве рисков называются возможные проблемы с использованием систем с элементами искусственного интеллекта. Хотя, например, именно наличием «умных алгоритмов» в тех же социальных сетях или на новостных сайтах было принято объяснять «внезапные» появления в топе важных новостей нужных мейнстримным партиям сообщений.

Отметим, что в цифровую эпоху не только в Европе активное внимание уделяется эволюции демократии в сторону делиберативной и партиципаторной модели, когда граждане могут, например, влиять на голосование своих уже избранных депутатов через опросы на сайтах представительных органов власти и т.п. В Бразилии, например, также экспериментируют с новыми инструментами, с помощью которых граждане могут предлагать модели распределения государственных ресурсов и разрабатывать законопроекты — местными органами власти уже созданы платформы, позволяющие людям публично представлять концепции, ранжировать приоритеты. Некоторые из этих инструментов и платформ были опробованы в Мадриде, Барселоне, Хельсинки и Рейкьявике в рамках исследовательского проекта «D-CENT» британского агентства социальных исследований Nesta [3].

Подводя итоги, отметим, что концепции делиберативной и партиципаторной демократии пересекаются с концепцией делегативной (также называемой «ликвидной» / liquid democracy) демократии в ее социалистической интерпретации, когда власть оказывается у делегатов, а не у представителей. Каждый гражданин в условиях liquid democracy либо сам участвует в принятии решений, либо в нужный момент передоверяет это право своему делегату. Похожая модель существовала еще во времена Парижской коммуны в 1871 г., с тех пор она пережила несколько витков популярности в социалистической идеологии. На текущем этапе развития — и технологического (цифровизация, облегчение процесса коммуникации с помощью технологий), и идеологического (когда западный либерализм смещается в сторону социализма) — идея liquid democracy вновь оказывается востребованной. В том числе с ее помощью можно подкорректировать возможные ошибки

barbados-tries-digital-diplomacy-with-planned-metaverse-embassy

⁴ How Seoul is creating a metaverse for a smarter city. URL: <https://venturebeat.com/2022/05/05/how-seoul-is-creating-a-metaverse-for-a-smarter-city/>

⁵ Study on the impact of digital transformation on democracy and good governance. URL: <https://rm.coe.int/study-on-the-impact-of-digital-transformation-on-democracy-and-good-go/1680a3b9f9>

излишне автоматизированных алгоритмов, действующих на базе статистики («идеологии данных» — ideology of dataism, когда большие данные должны быть доступны обществу, даже если это сопряжено с нарушениями приватности отдельных лиц и их жизни). Не случайно «околосоциалистические» авторы из Скандинавии пишут о необ-

ходимости оптимизации цифрового государства всеобщего благосостояния [10], так как излишне прямолинейное следование формальным алгоритмам, предлагаемым цифровизацией, на практике вызывает проблемы в сфере трудовой занятости, пенитенциарной системы, коммуникаций общественного сектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Calice M.N., Bao L., Freiling I., Howell E., Xenos M.A., Yang S., Brossard D., Newman T.P., Scheufele D.A. Polarized Platforms? How Partisanship Shapes Perceptions of “Algorithmic News Bias”. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/14614448211034159> DOI: <https://doi.org/10.1177/14614448211034159>
2. Гаврилова Ю.В., Ильин Н.С. К вопросу о важности цифровизации демократии: анализ зарубежного опыта. *История государства и права зарубежных стран*. 2021;(12):97–101. Gavrilova I.V., Ilin N.S. On the Issue of the Importance of Democracy Digitalization: Analysis of the Foreign Experience. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran*. 2021;(12):97–101. (In Russ.).
3. Yingqin Z. The Radicalization of Young Protesters in Hong Kong: Under the Context of Globalization and Power Relations. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2020;06(04):413–430. DOI: <https://doi.org/10.1142/S237774002050013X>
4. Heatherly K.A., Lu Y., Lee J.K. Filtering out the other side? Cross-cutting and like-minded discussions on social networking sites. *New Media & Society*. 2017;19(8):1271–1289. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816634677>
5. Ball M. What Elon Musk Really Believes. URL: <https://time.com/6170696/elon-musk-politics-twitter/>
6. Dyer-Witford N. Left Populism and Platform Capitalism. tripleC: Communication, Capitalism & Critique. *Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2020;18(1):116–131. DOI: <https://doi.org/10.31269/triplec.v18i1.1130>
7. Митрофанова А.В., Михайленок О.М. Правопопулистские гражданские движения: западный опыт и российская ситуация. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021;(3):120–129. Mitrofanova A.V., Mikhailenok O.M. Right Wing Populist Civic Movements: Western Experience and the Situation in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021;(3):120–129. (In Russ.).
8. Ghosh B. Politics of Manufacturing Consent in a Post-Truth Society. *Journal of Developing Societies*. 2022;38(1):7–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/0169796X211068451>
9. Verdi B. Welcome to the Metaverse: The Peril and Potential of Governance. URL: <https://www.fairobserver.com/business/technology/benjamin-verdi-facebook-metaverse-virtual-reality-democracy-governance-tech-news-12821/>
10. Andreassen R., Kaun A., Nikunen K. Fostering the data welfare state: A Nordic perspective on datafication. *NORD I C O M Review*. 2021;42(2):207–223. DOI: <https://doi.org/10.2478/nor-2021-0051>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Sen. Lect., Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

spmitrahovich@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.